АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

МИШУКА НАЛЫМОВ (ЗАВОЛЖЬЕ)

Алексей Николаевич Толстой
Мишука Налымов (Заволжье)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5317713
ISBN 978-5-4467-0486-6

Аннотация

Повесть «Мишука Налымов» впервые напечатана под заглавием «Заволжье», с посвящением: «Посвящаю моей жене» – в литературно-художественном альманахе «Шиповник» в 1910 году. Рукопись повести, хранящаяся в архиве А. Толстого, не датирована. Время написания можно отнести к весне – лету 1910 года.

Сюжет повести и ее центральные образы навеяны семейными хрониками.

Содержание

1 4
2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Алексей Толстой
МИШУКА НАЛЫМОВ
(Заволжье)

1

По низовому берегу Заволжья, – в тени сырых садов, с прудами, купальнями и широкими дворами, заросшими травой, с крытыми соломой службами, – издавна стояли помещичьи усадьбы дворян Ставропольского уезда.

Проезжему человеку, сидящему на подушке, вышитой по углам петушками, в тарантасе, запряженном парой облепленных слепнями почтовых лошаденок, не на что было смотреть сквозь сонные веки: жара, пыль, пыльная, чуть вьющаяся дорога по степи, жаворонки над хлебами, далеко – соломенные крыши да журавли колодцев… Лишь изредка из-за горки поднимались вершины ветел, и тарантас катил мимо плоского пруда с рябым от отпечатков копыт берегом, мимо канавы, поросшей акацией, мимо белеющих сквозь тополевую зелень колонн налымовского дома.

Хотя в этом случае знающий уездные порядки непременно сворачивал лошадей с дороги и ехал не через усадебный двор, а задами, особенно если у окна сидит в халате сам Ми-

шука, – Михал Михалыч Налымов, – с отвислыми усами, с воловьим, в три складки затылком, и поглядывает, насупясь, на проезжающий тарантас.

Бог знает, что взбредет в голову Мишуке: велит догнать проезжего и звать в гости, – лошадей отпрячь и – в табун, тарантас – в пруд, чтобы не рассохся. Или – не понравится ему проезжий – перегнется за окошко и закричит: «Спускай собак, – моя земля, кто разрешил мимо дома ездить, черти окаянные!..» А налымовских собак лучше и во сне не видеть. Или в зимнее время прикажет остановить проезжего и дать ему метлу – замести за собою след через двор. Хочешь не хочешь – вылезай из саней, мети. А около сидят собаки с обмерзшими усами.

Так знающий уездные порядки далеко огибал по степи налымовскую усадьбу. Редко заезжали в нее и гости, но уже по другой причине.

После полудня Мишука сидел, как обычно, у раскрытого окна. На другом конце зеленого двора, в каретнике, ворота были раскрыты, ходили конюхи. Вот они расступились, и из каретника, разом отпущенная, вылетела караковая тройка, запряженная в венскую коляску, – описала по двору полукруг и стала у крыльца так, что, разом осаженные, пристяжные сели на хвосты, коренник задрал голову, вошел копытами в рыхлую землю. Кучер, в черной безрукавке, с малиновыми рукавами, снял осыпанную мелом перчатку и, приставив большой палец к ноздре, высморкался. Подбежавший

прямиком от каретника конюх взял коренника под уздцы.

Мишука, перегнувшись за окно, смотрел на лошадей, – хороша тройка – львы. Наглядевшись, он поднялся с кресла, пошел в соседнюю комнату и крикнул: «Ванюшка!» Вошел толстомордый мальчик, называвшийся еще по старине – казачком, Мишука присел на деревянную кровать и протянул казачку одну за другою толстые ноги, на которые Ванюшка натянул просторные панталоны, наместо халата Мишука надел парусиновую поддевку, взял в руки белый картуз с красным околышем, короткий арапник, выпятил полную грудь и, тяжело ступая по половицам дома, вышел на крыльцо.

Коренник, завидев Мишуку, обернулся и коротко, нежно заржал. Подошел приказчик – Петр Ильич, в долгополом зеленом сюртуке, и стал докладывать почтительно:

– Барышня Марья, да барышня Дуня, ваше превосходительство, да барышня Телипатра лошадей требовали утрася, – я не дал.

Мишука сошел с крыльца, раскидывая ноги, и стал глядеть на окна мезонина, где были спущены занавески. Глядел долго, погрозил туда арапником, расправил усы.

– Без моего разрешения никаких лошадей никому не давать, черти окаянные, – сказал он и шагнул к коляске.

– Слушаюсь… И еще садовник приходил в контору – жаловался, что барышня Фимка да барышня Бронька малину порвали, всю ободрали…

– Ах, черт, – сказал Мишука и побагровел, – вот я им за-

дам…

Он подумал и ступил в коляску, которую сейчас же перекосило, грузно опустился на пружинное сиденье и двинул большой козырек фуражки на глаза. Кучер подобрал вожжи, обернул голову.

– В Репьевку, – сказал Мишука и, когда лошади тронули, крикнул: – Стой! Эй, Петр Ильич, позови их сюда. Живо!

Приказчик побежал в дом. Скоро на крыльце показались, запахивая шали и капоты, девушки: высокая и худая Клеопатра, испуганная Марья – неряха, растрепанная, в башмаках на босу ногу, позади них прислонилась к колонне красавица Дуня, – равнодушно глядела на небо, в дверях жались Фимка и Бронька, деревенские девчонки, – глядели на Мишуку, наморщив носы…

– Вы, – сказал Мишука, поводя рыжими усами, – смотрите, я на три дня уезжаю, так вы у меня, – он хлестнул арапником по голенищу, – смотрите, чтобы ни одна у меня… того…

– Очень нам нужно, – сказала Клеопатра, скривила рот.

Красавица Дуня лениво повела плечами.

– Привезите сладкого, – сказала она, глядя на небо.

Мишука насупился, засопел, хотел сказать что-то еще, но раздумал, только крикнул кучеру: «Пшел!» – и уехал.

Дорогой, глядя по сторонам на ржаные до самого горизонта и пшеничные поля, Мишука вытирал время от времени багровое лицо платком и особенно ни о чем не думал. Навстречу проехал мелкопоместный дворянчик на дрожках.

Мишука приложил два пальца к козырьку и строго, выпученными светлыми глазами, посмотрел на кланяющегося ему дворянчика.

Проехали овраг, где в колдобине едва не сели рессоры, окатило грязью, и пристяжные, взмылясь, вынесли на горку, – дорога пошла покосами, продувал ветерок.

– Репьевские, – сказал кучер, показывая кнутовищем вперед, на межу, по которой катила запряженная парой длинная линейка. В ней над белыми рубахами сидящих покачивался красный зонт. Когда тройка поравнялась с линейкой, оттуда закричали: «Дядя Миша, к нам, к нам!» Между молодыми Репьевыми, братьями Никитой и Сергеем, сидела молодая рослая, светловолосая девушка. В руке она держала красный зонтик, соломенная шляпа ее откинута на спину, на ленте, светлые глаза, смеясь, встретились с выпученным взглядом Мишуки. Он снял картуз и поклонился. Тройка далеко ушла вперед, а Мишука все еще думал:

«Кто такая? Кому бы это быть? – и перебирал в медленной памяти всех родственников. – Не иначе, как это – Вера Ходанская, – она».

Так он раздумывал и поглядывал по сторонам, покуда за горкой не показался большой репьевский сад и вдалеке играющая, как чешуя под солнцем, Волга.

2

На террасе, обращенной к саду и к прудам и тенистой от зарослей сирени, сидели на креслицах брат и сестра – старшие Репьевы.

Ольга Леонтьевна, в кружевной наколке и в круглых очках, поджав губы, вышивала шерстью дорожку для чайного стола, а Петр Леонтьевич, одетый, как всегда, в черную безрукавку, помалкивал, прищуря один глаз, другим же лукаво поглядывал на сестрицу и топал носком сапога, голенище которого из моржовой кожи любил он, бывало, подтянуть, говоря: «Ведь вот, двадцать лет ношу, и нет износа». На голове у него была надета бархатная скуфейка. Ветерок веял на седую его бороду, на белые рукава рубахи.

– Не понимаю, – сказала Ольга Леонтьевна, – чем это все кончится?

– А что, Оленька?

Ольга Леонтьевна взглянула поверх очков:

– Прекрасно знаешь, о чем я думаю.

– О Верочке? Да, да. Я тоже о Верочке думаю. – Петр Леонтьевич, опершись о кресло, привстал и сел удобнее. – Да, да, это вопрос – серьезный.

– Перестань стучать ногой, – сказала ему Ольга Леонтьевна.

Брат стукнул еще раза три и сощурил оба глаза.

– Сереже, по-моему, надо бы на время уехать, – сказал он и подтянул голенище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.